

DOI: 10.31857/S086919080007747-8

«СЛЕДУЙ ПО СЛОЮ»:
СТРАТИГРАФИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ХРАМОВОГО КОМПЛЕКСА В АБУ ЭРТЕЙЛЕ (СУДАН)

© 2019

М. А. ЛЕБЕДЕВ ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-1524-2083; maximlebedev@mail.ru

Резюме: В статье суммируются данные по стратиграфии одного из мероитских храмовых комплексов, исследованного в 2014–2017 гг. совместной российско-итальянской экспедицией (Э.Е. Кормышева, Э. Фантусати) на территории археологического памятника Абу Эртейла близ Мероэ. Восстанавливаемая благодаря данным археологии история храма Абу Эртейла находит аналогии в судьбе других храмовых комплексов, раскопанных на территории так называемого Острова Мероэ. Храм был воздвигнут в первой четверти I в. н.э. выдающимися мероитскими правителями Натакамани и Аманиторе, а также их преемником Соркарором. В течение II в. н.э. здание главного храма пришло в упадок и на его территории поселились люди. Часть комплекса была разобрана для строительства жилых и хозяйственных помещений, примкнувших к храму с юга. Затем культ в храме был восстановлен, но само здание так и не вернуло своего первоначального облика, продолжая разрушаться. После обрушения деревянных перекрытий II–III вв. н.э. территория главного храма оказалась заброшена и вплоть до IV в. н.э. использовалась, вероятно, как мусорная свалка. Обожженные кирпичи храма разбирались на строительный материал, а сырец служил источником удобрения – себаха. В Постмероитский период (сер. IV–VI вв. н.э.) близ развалин храма, судя по всему, стали появляться первые погребения, а в эпоху Средневековья образовавшийся на месте мероитских руин тель (ком) был превращен в некрополь, использовавшийся разнородным местным населением, как оседлым, так и кочевым, по меньшей мере вплоть до XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Мероитское царство, археология, стратиграфия, храмовый комплекс, Судан, Абу Эртейла.

Для цитирования: Лебедев М. А. «Следуй по слою»: стратиграфия как источник по истории храмового комплекса в Абу Эртейле (Судан). *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 71–84. DOI: 10.31857/S086919080007747-8

“FOLLOW THE LAYER”:
STRATIGRAPHY AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE TEMPLE
COMPLEX AT ABU ERTEILA (SUDAN)

© 2019

Maksim A. LEBEDEV ^а

^а – Institute of Oriental Studies, Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-1524-2083; maximlebedev@mail.ru

Abstract: In the 4th century BC – 4th century AD, the southern neighbor of the Ptolemaic and Roman Egypt was the kingdom of Kush which became a natural link between the Mediterranean world and Africa. After the name of its main economic and political center, Meroe, the Kushite state of that time is often referred to in historiography as Meroitic Kingdom. Unlike in Greek and Roman Egypt rich with textual material, archaeology has always played a crucial role in the study of Meroitic civilization. The paper analysis data on the stratigraphy of a Meroitic temple complex excavated in 2014–2017 by a joint Russian-Italian mission headed by E. Kormysheva and E. Fantusati at Abu Erteila near Meroe. The reconstructed history of the complex corresponds to the fate of other temples unearthed on the territory of the Island of Meroe. The main

temple at Abu Erteila was built in the 1st century AD by prominent Meroitic rulers Natakamani, Amanitore, and their heir Sorkaror. In the course of the 2nd century AD, the structure came into decline and its territory was inhabited by squatters. The temple was partly dismantled, its building materials were utilized in a residential area that developed to the south. Despite the cult was later resumed, the temple building continued deteriorating. After the collapse of the ceiling, the structure was finally abandoned. Its main rooms were probably reused as a dumping area. During the Post-Meroitic period, the territory around the temple ruins may have been turned into a burial ground. Later, an extensive multi-period necropolis developed on Kom II which remained in use as a burial ground until at least 16th–17th century AD.

Keywords: Meroitic Kingdom, archaeology, stratigraphy, temple complex, Sudan, Abu Erteila.

For citation: Lebedev M. A. “Follow the Layer”: Stratigraphy as a Source on the History of the Temple Complex at Abu Erteila. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 71–84. DOI: 10.31857/S086919080007747-8

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей статье речь пойдет об истории главного храма Абу Эртейлы близ города Мероэ¹ в том виде, в котором она представлена в стратиграфии комплекса. Планомерное изучение Абу Эртейлы (*рис. 1*) началось в 2009 г. благодаря раскопкам совместной российско-итальянской экспедиции (Э.Е. Кормышева и Э. Фантусати). Мeroитские развалины сформировали в Абу Эртейле несколько искусственных холмов (*теллей*, или *комов*), наиболее крупные из которых получили обозначения Ком I–III. Первоначально работы были сконцентрированы на западном холме (Коме I), но с 2013 г. они переместились исключительно на восточный холм (Ком II), где в итоге был выявлен храмовый комплекс и хозяйственно-жилищные постройки I–IV вв. н.э. [Малых, 2017; Kormysheva, 2018; Лебедев, 2019(1), с. 38–42]. Ядром архитектурного ансамбля на Коме II был небольшой (20,83×10,7 м), но относительно хорошо сохранившийся храм. Несмотря на свои скромные габариты, он получил в полевой документации статус главного храма, поскольку к югу от него находилось еще одно святилище размером 13,5×6 м – так называемый храм льва (*рис. 2*).

Главный храм Абу Эртейлы изучался в ходе четырех сезонов (2014–2017). За это время на его территории и вокруг нее было выделено около 250 различных стратиграфических объектов (стен, ям, траншей) и контекстов (слоев). Ход археологических работ регулярно фиксировался с помощью описаний, чертежей, фотографий и фотограмметрии. Использование последней позволило иметь к концу раскопок главного храма высокоточную 3D-модель всего здания. Представленные ниже данные удалось собрать благодаря тщательной работе архитектора, керамиста и археологов. А также рабочих, каждого из которых мы просили об одном и том же: «Будь аккуратен, следуй по слою».

Основная ось храма имела трехчастную структуру: святилище (комната 26), пронаос (комната 25) и колонный зал (комната 27), который предварялся башням пилона² (*рис. 2*). С юга и севера к этой оси были пристроены дополнительные помещения, оригинальное назначение которых точно неизвестно. Северные помещения (комнаты 28–33, 42–43) сохранились лишь на уровне фундаментов. Можно предположить, что они использовались преимущественно как хранилища.

¹ Напоминаем, что Мероэ – многозначное понятие: в зависимости от контекста оно может обозначать как все Мeroитское царство в целом, так и его столицу. Существует также понятие Остров Мероэ – культурно-историческая область на территории современного Судана, ограниченная с запада Нильской долиной от Хартума до Атбары, с севера и востока – рекой Атбара от города Атбары до Эфиопии, с юга – эфиопскими предгорьями от реки Атбара до Голубого Нила и Голубым Нилом от Эфиопии до Хартума (*рис. 1*) [Лебедев, 2019(1), с. 23].

² Стены храма достигали высоты около 4,4 м, башни пилона имели высоту до 6,7 м (оценка С. В. Ветехова).

ПЛАНИРОВКА ХРАМА И ЕГО НАЗНАЧЕНИЕ

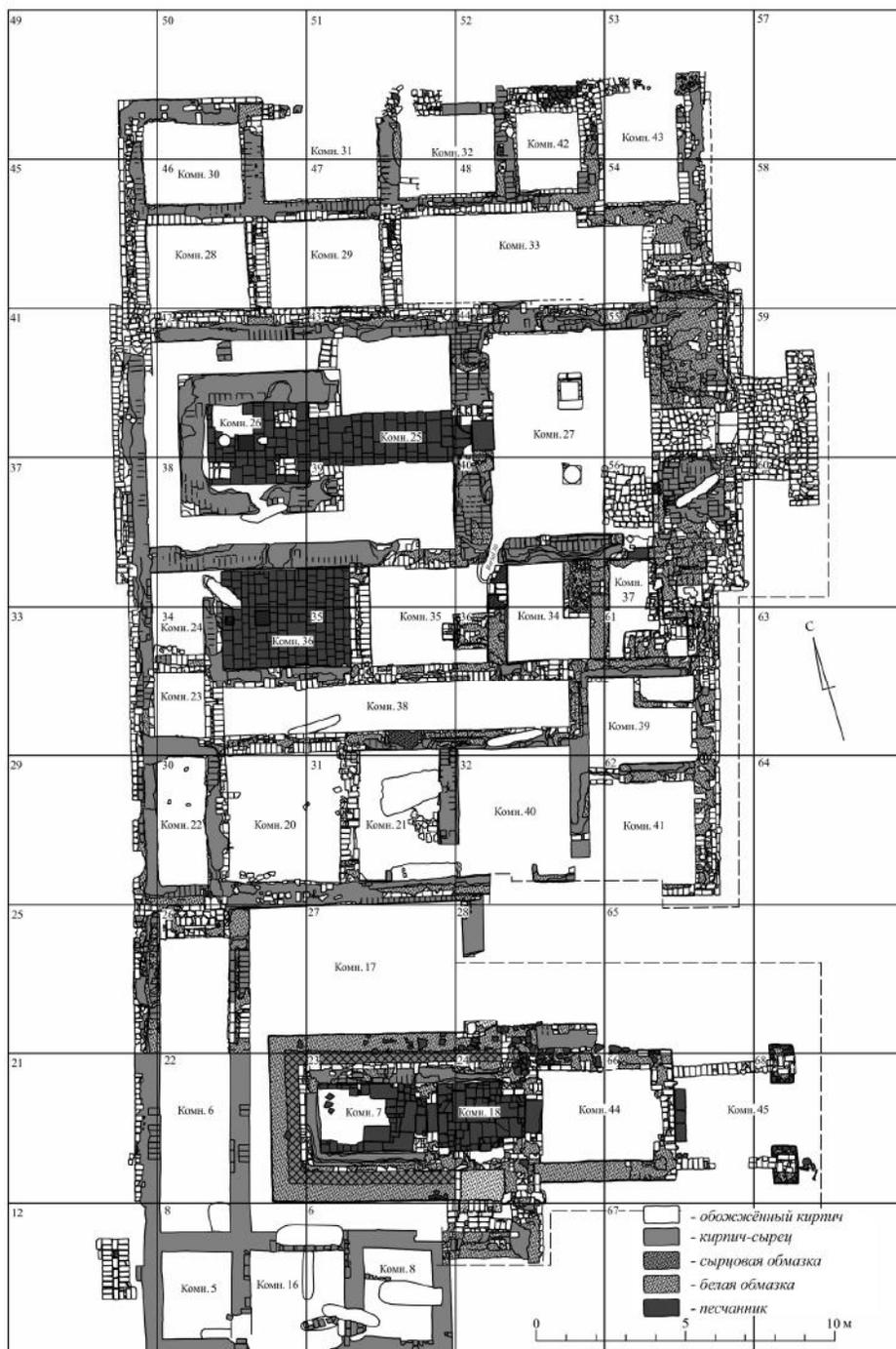


Рис. 2. Помещения и некрополь, раскопанные в северной части Кома II (С. В. Ветовых).

В южных помещениях (комнаты 20–24, 34–41) были найдены полихромные росписи, характерные для царской и жилой архитектуры. В качестве рабочего предположения можно выдвинуть идею о том, что южные помещения планировались изначально как символический царский дворец [Kendall, 2014, p. 69–70]. И лишь затем, в результате довольно ранней перестройки (см. ниже), комнаты 35 и 36 стали использоваться для отправления культа.

На территории храма был найден целый ряд эпиграфических памятников, которые позволяют уточнить время строительства или оформления всего комплекса: 1) алтарь с именами царя Натакамани и царицы Аманиторе в главном святилище (комната 26); 2) подставка под священную ладью/статую с именами Натакамани, Аманиторе и их наследника Соркарора в том же главном святилище (комната 26); 3) подставка под священную ладью/статую с именами Натакамани, Аманиторе и Соркарора в помещении 36; 4) еще одна подставка меньшего размера с именами Натакамани и Аманиторе в том же помещении 36; 5) фрагменты колонн с именами Натакамани и Аманиторе в различных слоях разрушения на Комах II–III.

Все эти памятники свидетельствуют о том, что важную роль в истории строительства или оформления храма сыграли царь Натакамани, царица Аманиторе и их наследник Соркарор. Мы не можем утверждать с полной уверенностью, что именно они и возвели главный храм Абу Эртейлы (в конце концов, они могли его лишь закончить или декорировать), однако это кажется очень вероятным.

Судя по всему, храмовый комплекс Абу Эртейлы функционировал в тесной связи с храмом Аулиба, который, находясь всего в 1 км к северу, был значительно больше и был выстроен или подновлен при тех же правителях [Sander, 2010; Baldi, 2014; Sander, 2015]. Между храмовыми комплексами находился крупный рукотворный резервуар (*хафир*) для сбора сезонного стока из *вади* или для удержания паводковой воды из Нила. Как функционировала эта мероитская инфраструктура на культовом и экономическом уровнях, еще только предстоит установить.

Имеющиеся археологические свидетельства говорят о том, что время соправления Натакамани и Аманиторе [Tögök, 1987, p. 49] было периодом значительного расцвета Меровитского царства. По крайней мере, если судить по объему ресурсов, которые были направлены центральной администрацией на возведение храмов и дворцов. Строительной активностью этой правящей пары была охвачена почти вся территория государства: Фарас, Амара, Саи, Табо, Напата (Гебель Баркал), Дангейл, Мероз, Аулиб, Абу Эртейла, эль-Хасса, Мувейс, Дуаниб, Вад Бен Нага, Нага – на территории всех этих памятников Натакамани и Аманиторе строили, перестраивали или реставрировали культовые и дворцовые здания (*рис. 1*). Список этот, вероятно, далеко не полный, и будущие археологические раскопки в других местах могут его серьезно расширить. Создается впечатление, что названные правители стремились преобразовать весь монументальный ландшафт Меровитского царства.

Причины столь активного строительства не вполне ясны. Не исключено, что Натакамани и Аманиторе возводили монументальные здания в целях пропаганды и легитимизации своей власти. Большой объем строительных работ в разных частях Меровитского царства требовал корректировки строительных технологий. Нужно было строить быстро и по возможности дешево. В результате при Натакамани и Аманиторе широко использовалось комбинирование материалов (обожженный кирпич, сырец, камень), формованные кирпичи для угловых элементов, профилей и карнизов, прочная штукатурка и цемент [Anderson, Salah Mohamed Ahmed, Sweek, 2012]. Унификация строительных технологий позволила мероитским мастерам времен Натакамани и Аманиторе возводить крупные постройки из хорошо знакомых строительных модулей, что, видимо, значительно уско-

ряло процесс. Нередкими стали стилистические заимствования из эллинистической и римской архитектуры [Török, 2011].

Датировка соправления Натакамани и Аманиторе – предмет научных дискуссий. Большинство исследователей сходятся в том, что пара находилась у власти в I в. н.э. При этом одни специалисты относят их царствование к первой четверти I в. н.э. [Edwards, 2004, p. 144], а другие склонны переносить его на середину–вторую половину I века н.э. [Török, 1997(1), p. 205].

Соркарор, который упоминается на двух подставках из Абу Эртейлы, был наследником Натакамани и Аманиторе. По мнению Э.Е. Кормышевой, строительство храма в Абу Эртейле могло быть связано с коронацией Соркарора [Кормышева, 2016, с. 123–124]. Предположение это кажется резонным, хотя подтвердить или опровергнуть его сложно. Можно, однако, утверждать, что храмовые комплексы Аулиба и Абу Эртейлы возникли в важной контактной зоне, где встречались и обменивались товарами, услугами и информацией оседлое население долины Нилы и кочевое население Бутаны³. При этом расположенный между Аулибом и Абу Эртейлой *хафир* мог использоваться для удовлетворения потребности кочевников в воде для скота в засушливый сезон. Как и сегодня, кочевники должны были использовать Вади эль-Хавад, один из важнейших водосборов в зоне Сахеля, для выпаса и перегона скота, перемещения в долину Нила на сезонные работы⁴, а также выращивания отдельных сельскохозяйственных культур (в частности, сорго)⁵ [Fuller, 2014; Brass, 2015; Weschenfelder, 2018; Лебедев, 2019(1), с. 43]. Кроме того, Вади эль-Хавад обеспечивало удобный торговый и военный путь во внутренние районы Бутаны, к среднему течению Голубого Нила и в эфиопские предгорья. И контактная зона в устье, и все *вади* в целом были, вероятно, предметом пристального внимания Соркарора. Об этом свидетельствует знаменитый рельеф царя, который был высечен на гранитном валуне близ Гебель Кейли в верховьях Вади эль-Хавад [Török, 1997(1), p. 466, 482–483; Edwards, 2004, p. 183]. Он изображает победу царя над врагами (возможно, племенами нуба).

Мы не знаем, каким именно богам были посвящены храмовые комплексы Аулиба и Абу Эртейлы. Не исключено, что оба они предназначались для почитания сразу нескольких божеств, что было обычным для кушитских храмов [Török, 1997(1), p. 500–510]. Есть, однако, предположение, что главным богом Аулиба был Амон [Baldi, 2014]. Главным хозяином большого храма в Абу Эртейле тоже, вероятно, было божество египетского происхождения. К сегодняшнему дню в Абу Эртейле найдены письменные упоминания, изображения и символы Амона, Исиды и нильского бога Хапи.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ СЛОИ⁶

Благодаря серии исследовательских траншей на территории главного храма удалось установить, что здание было заложено на пологом естественном возвышении. Материк

³ Бутана – часть Острова Мероз, расположенная к востоку от Нильской долины и песчаниковых гор.

⁴ В наши дни кочевое население региона занимается в долине Нила на поденные и сезонные работы (строительство, перевозка грузов, сельскохозяйственные работы во время сбора и обработки урожая и пр.). Можно ожидать, что в древности экономическое взаимодействие оседлого и кочевого населения в устье Вади эль-Хавад также включало обмен услугами [Weschenfelder, 2018].

⁵ Суданские кочевники иногда занимались земледелием во время и сразу после сезона дождей, когда в зоне Сахеля скапливалось небольшое количество воды. Это позволяло им частично удовлетворять свои потребности в сельскохозяйственной продукции и без взаимодействия с оседлым населением [Bradley, 1992; Brass, 2015]. В наши дни эта традиция преобразовалась: теперь кочевые группы используют для сельскохозяйственного производства насосные станции, оставляя близ них часть своих членов, которые перестают участвовать в перекочевках.

⁶ Подробнее см.: [Лебедев, 2019(2)].

представлял собой плотный серо-коричневый грунт с галькой в верхней части и включениями белого кальцикрита⁷ по всей толще. Такие геологические отложения, которые местные жители называют *зара*, характерны для естественных возвышенностей в районе Мероэ [Shinnie, Bradley, 1980, p. 27; Shinnie, Anderson, 2004, p. 53; Wolf, 2015, p. 115]. Перепад высот материка на территории храма составлял порядка 15–20 см.

Для закладки фундаментов мероитские зодчие нередко рыли траншеи. Однако в Абу Эртейле траншеи были обнаружены лишь под стенами в центральной части храма. Предназначались они, вероятно, не столько для возведения стен всего здания с одного уровня.

Подготовка полов шла параллельно со строительством и оформлением стен, перекрытий и колонн. В двух главных помещениях храма (комнаты 26 и 36) полы были замощены камнем, в остальных помещениях полы были глинобитными. Засыпка пространства комнат под черновые поверхности хождения, которые использовались мастерами во время строительства, происходила постепенно, по мере необходимости. Можно восстановить следующую очередность: наос (комната 26), пронаос (комната 25), гипостиль (комната 27), комнаты 36 и 24, комната 35, комната 34, комнаты 37–41 (рис. 2). Важно отметить, что эта засыпка проводилась по мере развития строительства, о чем говорит постепенное увеличение в ее составе содержания кирпичного боя. Что касается чистовых глинобитных полов, то они, вероятно, готовились во всех помещениях почти одновременно. К этому моменту, судя по всему, уже были завершены и перекрытия, и каменное мощение. Строительные слои в северных помещениях изучены далеко не так подробно, но имеющиеся пока данные позволяют заключить, что на севере строительный мусор использовался при подготовке полов не менее широко.

Поскольку засыпать строительный мусор в новые помещения можно было только в самом начале строительства, до подготовки чистовых полов, эта возможность для избавления от строительных отходов быстро исчерпалась. Тогда мероитские строители стали аккумулировать кирпичный бой и другой мусор к северу от основного храма или засыпать новыми отходами ямы, оставшиеся после добычи для строительных нужд естественных отложений *вади*. Несколько таких ям удалось изучить в 2018 г. в 20 м к северо-востоку от храма. Еще один сброс был обнаружен в 2014 г. к югу от храма. Там были зафиксированы слои с большим количеством осколков песчаника (судя по всему, отходы от обработки каменных деталей).

ПЕРИОД ПЕРВОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТА

В период функционирования храма слои, как правило, были тонкими и не очень информативными. Связано это, очевидно, было с тем, что в этот период мощеные полы в храме регулярно подметали. Все немногочисленные находки (бусины, небольшие фрагменты металла) были сделаны на земляных полах. Характерная для земляных полов главного храма Абу Эртейлы слоистая структура говорит о том, что их регулярно spraysкивали водой и подновляли, как это делают и в современных суданских домах и во внутренних дворах с земляными полами [Dalton, 2017].

Несколько образцов с поверхностей хождения I в. н.э., а также один образец из-под жертвенника в комнате 26 были подвергнуты спорово-пыльцевому анализу (СПА)⁸. Предполагалось, что отобранные образцы охарактеризуют растительный покров ближайшей округи памятника в момент его функционирования как храма. Во всех образцах отмечено обилие остатков истлевшей древесины, угольков и волокон хлопка. Интересно,

⁷ Конгломераты с кальцитовым цементом, характерные для аридных зон.

⁸ Работы были выполнены в рамках проекта РФФИ № 17-06-00726.

что последние почти не встречаются за пределами храма. В пробах с поверхностями хождения преобладает пыльца злаков и гелиотропа – растений, которые характерны и для современного культурного ландшафта близ памятника. В пыльцевом спектре образца из-под каменного жертвенника также велико участие пыльцы акации. Необходимо отметить, что пыльца доминирующих таксонов встречена преимущественно в скоплениях, что говорит либо о недалеком ветровом заносе, либо о том, что цветущие материнские растения были намеренно принесены в помещение храма. В целом результаты спорово-пыльцевого анализа говорят о том, что в период существования храма устье Вади эль-Хавад находилось в окружении акациевой саванны, в то время как сегодня памятник окружает опустыненная саванна.

На завершающий этап строительства или время функционирования храма пришлось перепланировка в южных помещениях 34–37. Земляной пол в помещении 36 был заменен на каменный, который был приподнят при этом примерно на 20 см. Тогда же, возможно, в помещении 36 появилась большая подставка под священную ладью или стацию. Стена между комнатами 34 и 37, а также прилегающая к ней кирпичная платформа, расписанная орнаментом, имитирующим брекчию, были разобраны, поверх них был насыпан новый земляной пол, который соответствовал уровню каменного пола в комнате 36. Уровень пола был поднят и в помещении 35. Причины такой перепланировки не вполне ясны. Не исключено, что она была связана с решением превратить комнату 36 в культовое помещение.

ПОСЕЛЕНЦЫ НА ТЕРРИТОРИИ ХРАМА И ВТОРОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТА

Доступные сегодня радиоуглеродные даты (*рис. 5*) позволяют заключить, что во II в. н. э. (возможно, ближе к его началу) главный храм Абу Эртейлы пришел в упадок. Его комнаты, включая центральное святилище, оказались заняты людьми и использовались под жилые и хозяйственные нужды. Об этом свидетельствуют слои, насыщенные углем, костями животных и позднемероитской бытовой керамикой, а также небольшие ямы и остатки очагов и печей (*рис. 3–4* (см. на цветной вклейке)) [Малых, 2019]. Между приостановкой культа и появлением на территории храма первых жильцов прошло, вероятно, какое-то время. Об этом говорят тонкие прослойки золотого песка, а также следы биоэрозии в основании сырцовых стен (в частности, древние гнезда и ходы земляных ос).

Хотя причина упадка храмового комплекса Абу Эртейлы нам неизвестна, характерно, что он совпал с общим упадком монументальной инфраструктуры в районе Мероз в начале Позднемероитского периода (II – сер. IV в. н.э.). Так, в том же II в. н.э. элитные группы населения покинули здания на территории так называемого Царского города в Мероз [Török, 1997(2), p. 39]. Тогда же администрация близлежащего городского центра Хамадаб (расположен в трех километрах северо-западнее Абу Эртейлы) перестала ремонтировать стены верхнего города и поддерживать в надлежащем состоянии находившиеся там же храм и крупное здание («дворец») [Wolf, Nowotnick, Wöß, 2014, p. 110–112, fig. 5, table 1].

Несмотря на то что поселившиеся в храме люди предпринимали попытки ремонтировать сырцовые стены, заделывая в них трещины и размытия (возникшие, вероятно, в результате нарушения целостности кровли) или заново их штукатуря грубым раствором, храм тем не менее постепенно разрушался. Об этом, в частности, говорит тот факт, что жители храмового комплекса активно использовали для ремонта, а также строительства временных перегородок и поздних вымосток храмовые обожженные кирпичи, в том числе с карнизов. Судя по всему, в том же II в. н.э. была разобрана большая часть башен пилона, кирпичи из которых пошли на строительство жилых и хозяйственных помещений к югу от главного храма. Позднее стали переиспользоваться и каменные архитектурные

детали: фрагменты колонн шли на фундаменты стен, сливом в виде фигуры льва, который изначально располагался на крыше храма, был заделан один их боковых проходов в комнате 25 и т.д.

Интересно, что, несмотря на разрушения, в храме, судя по всему, постепенно возобновился культ. В центральном святилище (комнате 26) поверх слоя, связанного с жилой активностью, был обнаружен керамический поднос для возлияний [Malykh, 2018]; в гипостильном зале на том же уровне была найдена небольшая тарелочка с шариками из каолиновой глины (шарики, возможно, имитировали ладан, и тарелочка с содержимым могла быть вотивом); в комнате 36 на жилой слой была установлена явно перемещенная малая подставка с именами Натакамани и Аманиторе; в жилых слоях нескольких помещений были найдены обломки курильниц. Важно при этом отметить, что возобновление культа, судя по всему, не сопровождалось прекращением жизни на территории храма.

История главного храма Абу Эртейлы во II–III вв. н.э., восстанавливаемая благодаря анализу стратиграфии, находит прямые аналогии в судьбе других мероитских культовых комплексов. Во дворе большого храма Амона в Гебель Баркале, где люди поселились в Позднемероитский период, горизонт, связанный с активностью поселенцев, достигал мощности 0,8 м. Тем не менее культ в храме не прекратился. Поселенцы оставили свободным проход в главное святилище и продолжили производить и использовать предметы, связанные с культом. Л. Тёрёк полагает, что во дворе храма Амона поселились жрецы [Török, 2002, p. 314]. Храм Т в Каве и храм Амона в Санаме также продолжили функционировать, несмотря на то что на их территории в Позднемероитский период поселились люди [Török, 2002, p. 293–297]. Другой интересный пример – это храм Амона в эль-Хассе. Храм был заброшен и начал разрушаться в Позднемероитский период. Во дворе храма была вырыта яма, где исследователи нашли кости нескольких человек. Затем, однако, культ в храме был возрожден. Как и в Абу Эртейле, в эль-Хассе предпринимались попытки реставрировать стены, хотя качество работ опять же было не на высоте. К этапу повторного учреждения культа относится обнаруженный в святилище поднос для возлияний. Он был найден напротив алтаря, а рядом лежал неолитический топор, добытый, вероятно, в одном из погребений [Rondot, 2012, p. 176–178, fig. 5]. В Мувейсе этапы разрушения храма в Позднемероитский период чередовались с этапами его подновления. Судя по керамическому материалу, храм Мувейса был окончательно заброшен к середине III в. н.э. [Baud, 2014, p. 770–771]. Похожая ситуация наблюдалась и в малом храме в Вад Бен Наге (WBN 400), который был частично разрушен, но затем восстановлен и перестроен. В период, когда там жили люди, здание храма медленно приходило в упадок [Onderka, 2011, p. 57–58].

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАЗРУШЕНИЕ ХРАМА И ПОЯВЛЕНИЕ НЕКРОПОЛЯ

Центральная часть главного храма Абу Эртейлы (наос, пронаос и гипостильный зал) были окончательно заброшены после обрушения перекрытий. Самые крупные фрагменты деревянных балок от перекрытий были обнаружены в гипостильном зале (комната 27). Радиоуглеродный анализ показал, что использованное в перекрытиях дерево было срублено во II–III вв. н.э. После обрушения потолков сырцовые стены храма стали быстро разрушаться и оплывать⁹ (рис. 3–4). При этом комнаты 25–27, возможно, использовались какое-то время для сброса бытового мусора, который производили люди, жившие в помещениях к югу.

Малое количество постмероитской керамики говорит о том, что к середине IV в. н.э. жизнь на Кома II в целом прекратилась. Судя по всему, окончательное оставление Кома

⁹ Об особенностях разрушения сырцовых зданий в аридном климате см.: [Friesem et al., 2011].

II было в целом неизбежным и происходило на фоне глобальных процессов, которые привели к общему кризису мероитской цивилизации на рубеже III–IV вв. н.э. Население верхнего и среднего течения Нила стало в это время свидетелем крупных переселений и серьезных изменений в природных и культурных ландшафтах [Yahia Fadl Tahir, 2017]. Конечно, Абу Эртейла вовсе не была уникальной: те же самые процессы упадка наблюдались в Дангейле, Мероз, Хамадабе, Аулибе, эль-Хассе, Мувейсе, Наре [Anderson, Salah Mohamed Ahmed, 2002; Török, 1997(2), p. 38–40; Török, 2002, p. 330; Yellin, 2012, p. 263; Wolf, Nowotnick, Hof, 2015, p. 133; Sander, 2010; Lenoble, Rondot, 2003; Rondot, 2012; Baud, 2014; Baud, 2015; Knudstad, Frey, 1998; Wildung, 2011, S. 51].

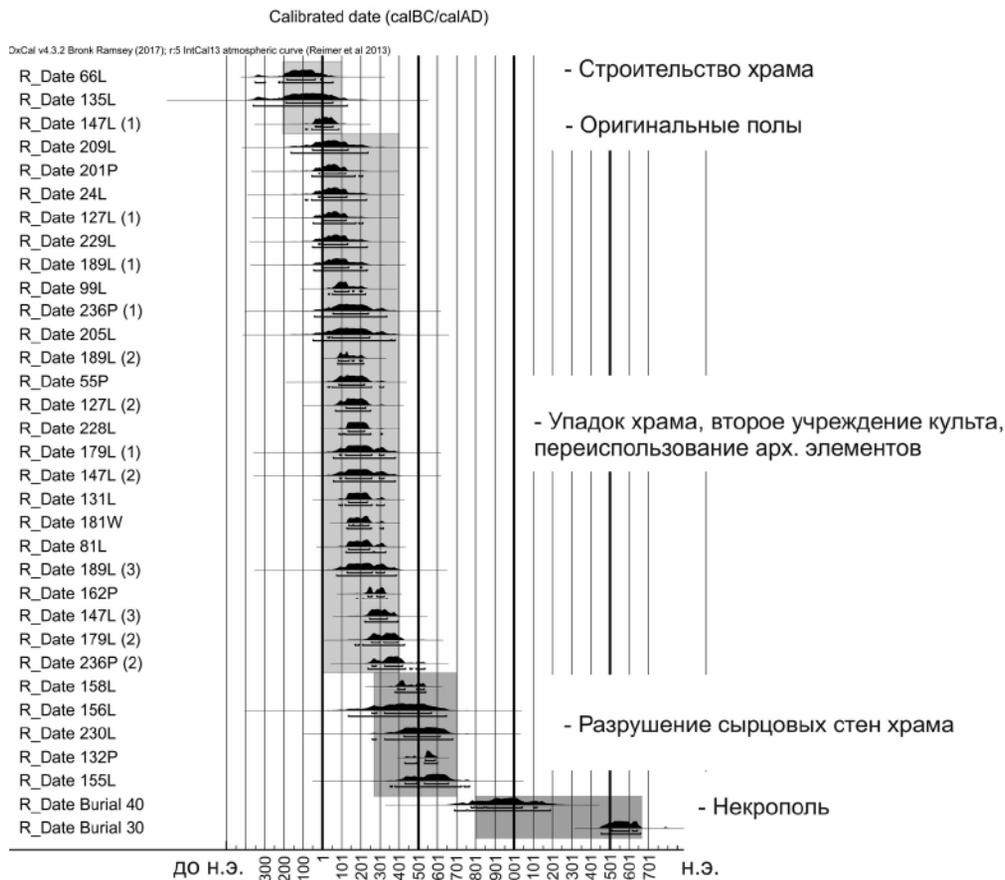


Рис. 5. Радиоуглеродные даты с Кома II, полученные российскими специалистами (М. А. Лебедев).

Имеющиеся радиоуглеродные даты (рис. 5) из контекстов как внутри, так и за пределами храма свидетельствуют, что жители устья Вади эль-Хавад изредка посещали мероитские развалины Абу Эртейлы и в Постмероитский период (IV–VI вв. н.э.), и в эпоху раннего Средневековья. Об этом, в частности, свидетельствуют остатки поздних кострищ, одно из которых располагалось прямо около алтаря в центральном святилище (комната 26). Некоторые крупные ямы, вырытые на территории Кома II до его превращения в некрополь, также, видимо, относятся как раз к этому периоду. Ямы, проби-

вавшие кирпичные стены и слои оплывших сырцов, вероятно, рыли себахины – охотники за плодородным себахом¹⁰. Ямы, вырытые в культурном слое внутри помещений, возможно, делались в поиске строительных материалов – прежде всего обожженных кирпичей.

Затем развалины Абу Эртейлы, не заливаемые сезонным стоком из *вади*, были превращены в грунтовый могильник [Lebedev, Reshetova, 2017], который повредил стены и слои мероитского времени (рис. 2). Погребения, найденные на Кома II, демонстрируют большую разнородность как в конструкции могил, так и в ориентации тел. Это, вероятно, свидетельствует о разнородности местного населения, принадлежавшего к нескольким культурным группам, и продолжительном периоде заполнения некрополя, что в целом характерно для данного региона [Wolf, Nowotnick, Wöß, 2014, p. 110–112].

Самое раннее из найденных пока в Абу Эртейле погребений может относиться уже к Постмероитскому периоду (IV–VI вв. н.э.). Это было захоронение женщины, совершенное в скорченном положении около внешней западной стены храма. Можно предположить, что к западу и северу от Кома II располагались и другие ранние захоронения, однако раскопки на этих территориях пока не проводились. Некоторые ориентированные на восток погребения в южной части холма можно было бы теоретически отнести к раннесредневековому времени [Salah Mohamed Ahmed, 2011, p. 299–301]. Однако датированные с помощью радиоуглеродного метода примеры из некрополя эль-Гейли показывают, что погребения с ориентацией на восток могли встречаться, по меньшей мере, вплоть до эпохи позднего Средневековья [Caneva, 1988, p. 209, 212].

Аридный климат в сочетании с сезонными дождями не способствовал сохранению коллагена в костях из Абу Эртейлы, поэтому датировать большинство скелетов радиоуглеродным методом невозможно. На сегодняшний день имеются всего три даты из погребений в Абу Эртейле¹¹. Первая относит одну из могил на Кома I ко времени XII–XIII вв. [Fantusati, Kormysheva, Malykh, 2014, p. 88]. Вторая была получена благодаря анализу истлевшего органического перекрытия в погребении 40 на Кома II: 650–1250 гг. н.э. (вероятность 95,4 %). Третья дата получена в результате анализа макроостатков растений из заполнения могильной ямы в погребении 30: 1456–1660 гг. н.э. (вероятность 95,4 % (рис. 5)). Несколько погребений на Кома II были совершены по мусульманскому обряду, что относит их ко времени не ранее XVI в. н.э.

В целом эти результаты соответствуют данным по другим близлежащим могильникам. Так, радиоуглеродные даты из однотипных погребений в Гебель Макборе (горный массив в двух километрах южнее Абу Эртейлы) находятся в пределах XI–XIII вв. н.э. [Lenoble, 1987, p. 235]. Похожие погребения в Аулибе были предварительно датированы эпохой средневековья [Worcowski, Paner, 2005, p. 58]. Датированные погребения в некрополе на месте мероитских развалин в Мувейсе относятся к XIII–XIV вв. н.э. [Vaud, 2015, p. 102].

После того как могильник на Кома II прекратил свое существование, там продолжали появляться довольно крупные ямы. Одна из них частично разрушила погребение 36. Судя по всему, ямы были связаны с добычей местными жителями на территории Кома II строительных материалов и себаха. Согласно устным свидетельствам, отдельные домохозяйства существовали в непосредственной близости от Кома II вплоть до 1980-х гг., пока не были уничтожены разрушительным паводком.

¹⁰ Себах (خابس) – термин, используемый в долине Нила для обозначения удобрения, которое получают из разрушенного древнего сырца. Добыча себаха привела к полному или частичному уничтожению множества памятников, прежде всего на территории Египта.

¹¹ Радиоуглеродные даты из погребений 37 и 40 на Кома II были получены в рамках реализации проекта РФФИ № 17-06-00726.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные выше данные показывают, что восстанавливаемая благодаря анализу стратиграфии история главного храма Абу Эртейлы органично вписывается в историю монументального ландшафта области Мероэ. Имея свои особенности, она дополняет общую картину становления, развития и упадка мероитских храмовых комплексов, созданных при поддержке царской администрации. Изучение главного храма в Абу Эртейле одновременно порождает и ряд новых вопросов, которые напрямую относятся к структуре и функциям мероитской инфраструктуры в устье Вади эль-Хавад. Решение их, однако, затруднено без комплексного подхода к изучению данного региона и координации действий, в том числе в области документации, между отдельными археологическими проектами, которые реализуются в районе Мероэ. Сегодня такая координация налажена между научными коллективами, работающими в Мероэ, Хамадабе и некрополе Бегравии (элитное кладбище к востоку от Мероэ). Хочется надеяться, что в будущем она охватит археологические проекты и на других близлежащих памятниках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Кормышева Э. Е. Подставки для мероитских священных барок в контексте сцен ритуала *tw3 pt*. *Эпиграфика Востока*. 2016. Вып. 32. С. 95–131 [Kormysheva E. O. Stands for meroite sacred Baroque in the context of *tw3 pt* ritual scenes. *Epigrafika Vostoka*. 2016. Iss. 32. Pp. 95–131 (in Russian)].
- Лебедев М. А. История мероитских археологических комплексов устья Вади-эль-Хавад (Судан). *Восток (Oriens)*. 2019(1). № 2. С. 21–48 [Lebedev Maksim A. History of Meroitic Archaeological Complexes of Wadi al-Hawad (Sudan). *Vostok (Oriens)*. 2019(1). No. 2. Pp. 21–48 (in Russian)].
- Лебедев М. А. «Сделал он памятник этот»: строительные слои мероитского времени в храме Абу Эртейлы (Судан). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019(2). № 2. С. 39–55 [Lebedev M. A. “I Made this Monument”: Construction Layers of the Meroitic Period in a Temple at Abu Erteila (Sudan). *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2019(2). No. 2. Pp. 39–55 (in Russian)].
- Малых С. Е. Позднемероитская керамика Абу Эртейлы: проблема существования локальных гончарных центров в округе Мероэ. *Восток (Oriens)*. 2017. № 5. С. 26–36 [Malykh S. E. Late Meroitic ceramics of Abu Erteila: a problem of existence of local pottery workshops in the Meroe Region. *Vostok (Oriens)*. 2017. No. 5. Pp. 26–36 (in Russian)].
- Малых С. Е. Керамика из малого святилища мероитского храма в Абу Эртейле (Судан): датировка и интерпретация. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 3. С. 68–82 [Malykh S. E. Pottery from the Minor Sanctuary of the Temple in Abu Erteila (Sudan): Dating and Interpretation. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2019. No. 3. Pp. 68–82 (in Russian)].
- Anderson J., Salah Mohamed Ahmed, Sweek T. Meroitic Building Techniques: A Few Observations from Dangeil. *Sudan and Nubia*. 2012. Vol. 16. Pp. 72–79.
- Baldi M. The Awlib Temple Complex: A Review. *Atti della quarta giornata di Studi Nubiani: a tribute to the Nubian civilization*, eds. E. Fantusati, M. Baldi. Roma: Scienze e lettere, 2014. Pp. 49–66.
- Baud M. Downtown Muweis – A Progress Report (2007–2011). *The Fourth cataract and Beyond. Proceedings of the 12th International Conference for Nubian Studies*, eds. J. R. Anderson, D. A. Welsby. Leuven–Paris–Walpole: Peeters, 2014. Pp. 763–782.
- Baud, M. Trois saisons à Mouweis: Premier bilan archéologique. *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies. Vienna, 1–4 September 2008*, ed. M. H. Zach. Vienna, 2015. Pp. 97–110.
- Borcowski Z., Paner H. The Awlib Temple Complex. Report on the 2001 and 2003 Excavation Seasons. *Gdańsk Archaeological Museum African Reports*. 2005. Vol. 3. Pp. 47–60.
- Bradley R. J. *Nomads in the Archaeological Record. Case Studies in the Northern Provinces of the Sudan*. Berlin: Akademie, 1992.
- Brass M. Interactions and Pastoralism Along the Southern and Southeastern Frontiers of the Meroitic State, Sudan. *Journal of World Prehistory*. 2015. Vol. 28. Pp. 255–288.

- Caneva I. (ed.). *El Geili. The History of a Middle Nile Environment 7000 BC–AD 1500*. Oxford: British Archaeological Reports, 1988.
- Dalton M. Reconstructing Lived Experiences of Domestic Space at Amara West: Some Preliminary Interpretations of Ancient Floor Deposits Using Ethnoarchaeological and Micromorphological Analyses. *Nubia in the New Kingdom: Lived Experience, Pharaonic Control and Indigenous Traditions*. Eds. N. Spence, A. Stevens, M. Binder. Leuven–Paris–Bristol: Peeters, 2017. Pp. 357–388.
- Edwards D.N. *The Nubian Past. An Archaeology of the Sudan*. London: Routledge, 2004.
- Fantusati E., Kormysheva E., Malykh S. Abu Erteila – An Archaeological Site in the Butana Region. *Der antike Sudan. Ein Forscherleben zwischen den Welten Zum 80. Geburtstag von Steffen Wenig*, eds. A. Lohwasser, P. Wolf. Berlin: Sudanarchäologische Gesellschaft, 2014. Pp. 65–94.
- Friesem D., Boaretto E., Adi Eliyahu-Behar, Shahack-Gross R. Degradation of Mud Brick Houses in an Arid Environment: A Geoarchaeological Model. *Journal of Archaeological Science*. 2011. Vol. 38. Pp. 1135–1147.
- Fuller D. Agricultural Innovation and State Collapse in Meroitic Nubia. *Archaeology of African Plant Use*, eds. C. J. Stevens, S. Nixon, M. A. Murray, D. Fuller. Walnut Creek: Left Coast Press, 2014. Pp. 165–177.
- Kendall T. B 100: A little-known Meroitic palace at Jebel Barkal. *Orientalia*. 2014. Vol. 83. Pp. 63–85.
- Kormysheva E. The Remnants of a Meroitic Complex at Abu Erteila I. *Nubian Archaeology in the XXth Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies. Neuchâtel, 1st–6th September 2014*, ed. M. Honegger. Leuven–Paris–Bristol: Peeters, 2018. Pp. 423–438.
- Knudstad J., Frey R. Naga Project (Sudan) – Egyptian Museum Berlin. The City Survey 1995–1996, Seasons 1 and 2. *Archéologie du Nil Moyen*. 1998. Vol. 8. Pp. 193–202.
- Lebedev M., Reshetova I. Cutting Graves in Ancient Ruins. The Medieval Cemetery at Abu Erteila (Seasons 2012–2015). *Beiträge zur Sudanforschung*. 2017. Bd. 12. Pp. 165–193.
- Lenoble P. Quatre tombes sur mille de Djebel Makbor. A.M.S. NE-36-0/3-X-1. *Archéologie du Nil Moyen*. 1987. Vol. 2. Pp. 207–247.
- Lenoble, P., Rondot, V. À la redécouverte d'El-Hassa. Temple à Amon, palais royal et ville de l'empire méroïtique. *Cahiers de Recherches de l'Institut de Papyrologie et d'Égyptologie de Lille*. 2003. Vol. 23. Pp. 167–181.
- Malykh S. Ceramic Libation Basins from the Meroitic Temple in Abu Erteila. *Der Antike Sudan. Mitteilungen der Sudanarchäologischen Gesellschaft zu Berlin e.V.* 2018(2). Heft 29. Pp. 59–64.
- Onderka P. Preliminary Report on the Second Excavation Season of the Archaeological Expedition to Wad Ben Naga. *Annals of the Naprstek Museum*. 2011. Vol. 32. Pp. 55–70.
- Rondot V. El-Hassa: Un temple à Amon dans l'île de Méroé au I^{er} siècle de notre ère. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 2012. Vol. 156(1). Pp. 167–182.
- Salah Mohamed Ahmed. A Short “Training Campaign” at Abu Erteila 7–17 December 2003. *La pioche et la plume. Autour du Soudan, du Liban et de la Jordanie. Hommage archéologiques à Patrice Lenoble*, eds. V. Rondot, F. Alpi, F. Villeneuve. Paris: Presses Universitaire Paris Sorbonne, 2011. Pp. 297–301.
- Sander A. The Awlib Temple Complex: Latest Conclusions on its Chronology and Identity. *Gdańsk Archaeological Museum African Reports*. 2010. Vol. 7. Pp. 153–62.
- Sander A. Sandstone Reliefs and other Architectural Details Revealed at the Awlib Temple Complex in 2003: A Preliminary Analysis. *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies, Vienna, 1–4 September 2008*, ed. M. H. Zach. *Beiträge zur Sudanforschung*, Beiheft 9. Vienna: Citypress, 2015. Pp. 307–317.
- Shinnie P. L., Anderson J. *The capital of Kush 2: Meroë Excavations 1973–1984*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2004.
- Shinnie P. L., Bradley R. *The Capital of Kush 1: Meroe Excavations 1965–1972*. Berlin: Akademie Verlag, 1980.
- Török L. *The Royal Crowns of Kush. A Study in Middle Nile Valley Regalia and Iconography in the 1st Millennium B.C. and A.D.* Oxford: British Archaeological Reports, 1987.
- Török L. *The Kingdom of Kush. Handbook of the Napatan-Meroitic Civilization*. Leiden – New York: Brill, 1997(1).

Török L. *Meroe City, an Ancient African Capital. John Garstang's Excavations in the Sudan. With Contributions by Inge Hofmann and Istvan Nagy. Part one: Text.* London: The Egypt Exploration Society, 1997(2).

Török L. *The Image of the Ordered World in Ancient Nubian Art: The Construction of the Kushite Mind, 800 BC – 300 AD.* Leiden–Boston–Cologne: Brill, 2002.

Török L. *Hellenizing Art in Ancient Nubia, 300 BC-AD 250, and its Egyptian Models: A Study in "Acculturation".* Leiden–Boston: Brill, 2011.

Weschenfelder P. An Ethno-Archaeology of Mobile Networks on the Island of Meroe. *Current Research in Nubian Archaeology*, ed. S. Tipper, G. Tully, Piscataway: Gorgias Press, 2018. Pp. 89–108.

Wildung D. Götter und Herrscher. *Königsstadt Naga: Grabungen in der Wüste des Sudan*, eds. K. Kröper, A. Schoske, D. Wildung D. München–Berlin: Landesamt für Vermessung und Geoinformantion Bayern, 2011. Pp. 22–52.

Wolf P. The Qatar-Sudan Archaeological Project – The Meroitic Town of Hamadab and the Palaeo-Environment of the Meroe Region. *Sudan and Nubia.* 2015. Vol. 19. Pp. 115–131.

Wolf P., Nowotnick U., Hof C. Hamadab – Insights into Development and Lifestyle of a Meroitic Urban Settlement. *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies, Vienna, 1–4 September 2008*, ed. M.H. Zach. *Beiträge zur Sudanforschung*, Beiheft 9. Vienna: Citypress, 2015. Pp. 123–139.

Wolf P., Nowotnick U., Wöß F. Meroitic Hamadab—A Century after its Discovery. *Sudan and Nubia*, 2014. Vol. 18. Pp. 104–120.

Yahia Fadl Tahir. Environmental Archaeology of the Greater Meroe Region. *Beiträge zur Sudanforschung.* 2017. Bd. 12. Pp. 229–252.

Yellin J. W. Meroe. *Ancient Nubia. African Kingdoms on the Nile*, eds. M. M. Fisher, P. Lacovara, S. Ikram, S. D'Auria. Cairo – New York: The American University in Cairo Press, 2012. Pp. 258–273.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЕБЕДЕВ Максим Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Maksim A. LEBEDEV – PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.